

Н.Л. Фишер
Языковая школа OISE
Гейдельберг, Германия

В ПОИСКЕ САМОИДЕНТИЧНОСТИ – ОТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА К ЭГОЦЕНТРИЗМУ В ЛИТЕРАТУРЕ (на примере романа М. Фриша «Штиллер»)

Изменения в объективной реальности бытия человека разрушают то зеркало мира, в котором субъект искал свое отражение, свою идентификацию. Его образ утрачивает портретные черты, концентрируясь на внутреннем мире, на собственном Эго, совмещая функции субъекта и объекта повествования. Художественная реальность литературного текста открывает повествуемому субъекту новое пространство ролевой игры с целью познания и самопознания человека. В романе М. Фриша «Штиллер» автор использует наряду с непосредственными возможностями языка (детализированное описание, сравнения) средства повествования (переключение внешней и внутренней перспектив Я-повествователя) и интертекстуальность. Варьирование и прописывание различных ролей Я-повествователя в поиске идентичности ведет к тому, что возникает хаос мнемонических и фантазийных полусуществований. Таким образом, повествующий субъект выделяет в своем сознании доминирующую роль Я, антропоцентризм повествования переходит в эгоцентризм.

Самоидентичность, эгоцентрическое повествование, ролевые воплощения Я-повествователя, интертекстуальность.

Находясь в центре новой парадигмы познания и отражения посредством описания внешнего мира, человек осознается его активным началом, освобождается от своей природной зависимости и полагает себя неким Я. Формой существования Я выступает мышление. В движении мысли Я опредмечивается и обретает статус не-Я, что позволяет познавать себя равноположенно с другими предметами, объектами мира. Таким образом, процесс познания переходит в самопознание, а антропоцентрическая модель литературного мира становится эгоцентрической.

Динамичность внешнего мира, включение в него виртуальной реальности новых технических средств самовыражения человека искажают и разрушают то зеркало мира, в котором субъект искал свое отражение, свою идентификацию. Образ человека «редуцируется», утрачивая портретные черты, типизирующие характеристики, концентрируясь на внутреннем мире, на собственном Эго, совмещая функции субъекта и объекта повествования.

Художественная реальность становится одной из форм игрового познания и самопознания человека, который ввиду своей эксцентрической природы стремится преодолеть рамки непосредственного существования. Примером романа с моделируемым полиролевым игровым пространством отдельного субъекта является произведение М. Фриша «Stiller», где в форме дневника повествователь-протагонист отражает процесс становления своей новой субъективности и противостоящий ему социальный контекст. Границы планов Я-повествователя и ролевых воплощений Я маркированы композиционно и располагают специфическим арсеналом лингвистических средств.

Создаваемая реальность кодируется языком, художественно-изобразительными средствами и никогда не предстает в чистом виде, а скорее в виде чело-

веческих (антропоморфных) представлений о ней. Стремление зеркально отразить мир объектов и их восприятие, использование механизмов метафоризации, переноса физического опыта в сферу нефизического, абстрактного опыта человека способствуют созданию антропоцентрической модели мира. Тенденции субъективации повествования обуславливают вторичное кодирование отраженной реальности уже не на когнитивном, а на концептуальном уровне, когда язык становится медиумом ассоциаций, рефлексий на переживание восприятия объективного мира. Говорение выступает формой существования, а язык как «зеркало человеческого духа» (Лейбниц) (цит. по: [1, с. 273]) – средством поиска идентичности повествующего субъекта, что отмечает Л. Саарлилуома: «Die Sprache ist nicht mehr ein Mittel, von den Dingen außerhalb der Sprache zusprechen; sie ist ein unabhängig von der Intentionen des einzelnen Sprachbenutzers fungierendes System. Sie dient nicht mehr dem einzelnen Benutzer, sondern der Benutzer überlässt sich dem Prozess der Produktion der Bedeutungen in der Sprache»¹ [5, с. 67]. Значимость говорения для осознания человеком своей субъективности, личности подчеркивает персонаж романа М. Фриша: «Wer schweigt, hat nicht einmal eine Ahnung, wer er nicht ist»² [4, с. 331].

Кодируемая языком эпистемическая модель мира становится пространством выбора роли желаемого Я, пространством поиска идентичности.

«Идентичность – соотношенность с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчиво-

¹ Язык не является средством повествования о вещах вне языка; он – независимая от интенций отдельного говорящего система. Он служит отдельному пользователю, напротив, пользователь отдает свой творческий процесс значениям единиц языка (здесь и далее пер. с нем. Н. Фишер).

² Кто молчит, не знает, кто он не есть. (нем.)

сти и мыслимая в этом качестве с целью подтверждения ее саморавности» [3, с. 297]. Идентичность связана с индивидуальностью, что обуславливает необходимость наличия социального контекста, пусть и в атомизированном виде. Формой моделирования Другого как минимального социального контекста может стать фрагмент собственной личности, объективированный через знание о себе. «Это видение извне – так, как мы видим другого и как никогда не можем увидеть самих себя, всегда остающихся внутри наших собственных я» [2, с. 113] становится личностно значимым основанием самопознания.

Интерсубъектное пространство поиска самоидентификации в художественной реальности эгоцентрического повествования, когда организующим структурным элементом выступает Я мира фикции, сложное в системе ролей и полифункциональное в прагматической нагрузке, обуславливает различные сферы ролевых воплощений и поиска идентификации Я. Роман М. Фриша «Stiller» отличается сложной системой путей удостоверения смоделированной субъективности через спектр ролей Я.

Я как маркер роли субъекта коммуникации в текстах эгоцентрического повествования соотносится с повествователем и протагонистом в пространстве художественного произведения. Роль Я как субъекта коммуникации – одна из возможностей самоутверждения и поиска самоидентичности смоделированной субъективности в процессе творчества. Переживая кризис идентичности, субъект стремится «воскресить» себя, прописывая свою индивидуальную биографию. Я-повествователь в романе Stiller открыто указывает на процесс фиксации событийного ряда биографии: «Ich soll mein Leben niederschreiben! Wohl um zu beweisen, dass ich eines habe, ein anderes als das Leben ihres verschollenen Herrn Stiller»³ [4, с. 1].

Указание на необходимость письма (soll niederschreiben) поддерживается и в дальнейшем повествовании. Постепенно план Я-повествователя изменяет свои функции в общем контексте, основной темой становится проблема творчества, возможностей удостоверения собственной идентичности в слове, поскольку «рассказать можно все, только не свою действительную жизнь» («Man kann alles erzählen, nur nicht sein wirkliches Leben» [4, с. 64]), вероятно, «жизнь нема, а слово – лишь нарост на ней» («Ist das Wort eine Ablagerung? Vielleicht ist das Leben, das wirkliche, einfach stumm...» [4, с. 66]).

Смоделированное игровое пространство свободно для реализации Я как повествователя, ограничивая другие роли. Субъект повествования находит удовлетворение, успешность ролевого воплощения в эстетике словесного самовыражения, и в этом процессе возникает образ Другого как читателя: «Ja; wer denn soll lesen, was ich in diese Hefte schreibe! Und doch, glaube ich, gibt es kein Schreiben ohne Vorstellung, dass jemand es lese, und wäre dieser Jemand nur der Schreiber selbst»⁴ [4, с. 9].

³ Я должен записать мою жизнь! Вероятно, чтоб доказать, что (у меня) она есть... (нем.)

⁴ Кто должен читать то, что я пишу в эти тетради <...> только сам писатель. (нем.)

Указывая идентичность этого образа повествующему Я (wäre dieser Jemand nur der Schreiber selbst), повествователь замыкает коммуникативную триаду, чем удостоверяет ее успешность и, как следствие, успешность идентификации ролевого воплощения Я.

В самоотчуждении заключается исходная посылка дальнейшего процесса поиска идентичности, ее объективность в художественном контексте, выбор «роли», отделение Я от творящего сознания: «Man will sich selbst ein Fremder sein»⁵. Nicht in der Rolle, wohl aber in der unbewussten Entscheidung, welche Art der Rolle ich mir zuschreibe liegt meine Wirklichkeit» [4, с. 330].

Творящее Я моделирует для себя как Другого возможные ролевые воплощения, основываясь на шкале ценностей отражаемого в художественном произведении общества. Отдельные фрагменты описания ролевых признаков пронизывают все повествование, так что задуманная для объективируемого Я идентичность предстает перед читателем динамичной, живой, в процессе формирования. Сложность идентификации обусловлена тем, что протагонист не желает признавать навязываемую ему обществом роль – «Я не Штиллер»: «Ich bin nicht Stiller! <...> ich hab's ja erfahren, bin ich nicht ich selbst, sondern neige dazu <...> eine Rolle zu spielen die ihnen so passen möchte...» [4, с. 9].

Характеристики субъекта, имеющие вещественную внетекстовую референцию («Ich bin deutscher Abstammung, – erklärte ich, – Amerikaner deutscher Abstammung» [4, с. 10]; «Mein Name ist White» [4, с. 23]), вытесняются оценочными, так что моделируемая роль Я постепенно становится субъективно-оценочным самописанием протагониста – «несчастный, ничемный, ничего не значащий человек»: «Was wollen sie von mir! Ich bin ein unglücklicher, nichtiger, unwesentlicher Mensch, der kein Leben hinter sich hat, überhaupt keines <...> und was sie mir anbieten, ist Flucht, nicht Freiheit, Flucht in eine Rolle» [4, с. 49].

Разрушение возможностей целостного восприятия субъектом себя как аутоидентифицированной личности, ограниченность игрового пространства для самореализации субъекта, наложение рефлексий и анализа переживаний приводит к «кризису идентификации» (Дж. Уард). Существование человека редуцируется до момента переживания, рефлексии, языковой реализации Я (kein Leben hinter sich – нет жизни позади), что лишает субъективность содержания (meine Leere = meine Wirklichkeit – моя пустота = моя реальность) и перспектив освобождения личности через самопознание, стремление начать с чистого, «белого» листа (Mein Name ist Mr. White.). В качестве возможного пути самоидентификации вновь рассматривается роль. Ее моделирование осуществляется путем сопоставления Я-объекта фикции с антропо- и эго-характеристиками других персонажей, в лингвистическом плане реализуется стилистическим приемом сравнения. При сравнении повествующий субъект включает свое объективированное Я в ситуации эсплицитного и имплицитного сопоставления. В процессе такого сопоставления происходит выявление аспектов схожести.

⁵ Хочется стать чужим самому себе. (нем.)

Другие как Я: «Vor mir stehte ein Dicker mit glänzender Glatze (wie ich) und mit fetten Falten am Nacken...» [4, с. 19].

Я как Другой: «James Larkin (Jim) White, a young cowboy who made his first entry trip in 1901 <...> "Sind Sie denn Jim White?" – fragt er. "Nein, – lache ich, – das gerade nicht! Aber was ich selber erlebt habe, sehen Sie, war genau das gleiche – genau"» [4, с. 172].

Субъективность протагониста выступает зеркалом для необходимого отчуждения (ich sehe mich selber – я вижу меня самого), формой объективации для моделирования внешнего и внутреннего планов образа Я.

Осознавая неустойчивость, обусловленную, с одной стороны, навязыванием роли Я обществом («...dass ich Stiller zu sein habe... niemand anders als ich selbst zu sein» [4, с. 67]), а с другой – субъективным характером сопоставления и оценки процессов идентификации, Я стремится к удостоверению доказательности выводов через моделирование ситуаций сравнения с полярными позициями в эгоцентрированной системе координат. Я понимается как единственная субъективность в эпистемической модели мира, так что все другие персонажи, в том числе и иные ролевые воплощения Я, становятся объектами посредством овеществления: «Ich begriff: ihr ganzes Verhalten bezieht sich nicht auf mich, sondern auf ein Phantom...»⁶ [4, с. 83].

Внешний, вещественный план человека лишается черт соотношения (ein Phantom), чем снимаются границы ассоциативного пространства поиска идентификации. Образ «der Mann ohne Eigenschaften» поддержан в контексте романа новым ролевым именем для протагониста Mr. White. Однако лишенный вещиности (Я есть тело), субъект стремится удостоверить свою реальность через эпистемические образы мира, структурированные на основе субъективной, эгофокусированной значимости.

Средством удостоверения идентичности Я в иной роли выступает интертекстуальность. Оценочные аспекты прописываемой Я биографии не имеют онтологически-событийного обоснования, в качестве базы

доказательств выступает литературно-художественный контекст: Я – гном, Минотавр, Томас Манн («wie ein Gnom, wie ein Minotaurus» [4, с. 59]; «wie Thomas Mann» [4, с. 67]).

Посредством аллюзивной ссылки Я-объект фикации удостоверяет свои субъективные впечатления от наблюдаемой реальности, включает их в общее знание, указывает на свою тождественность с Другим. При передаче инициативы интертексту, например «сказка начинается так» («Das Märchen lautet etwa so...» [4, с. 71]), текст начинает творить сам себя, некую художественную идентичность, воспроизводя фрагменты своих претекстов, так что возникает опасность того, что Р. Барт назвал «смертью субъекта». Тем не менее, роль творящего Я обретает черты художественной идентичности, что способствует успешному завершению процесса самоидентификации.

Таким образом, в текстах эгоцентрического повествования моделируется многоплановое игровое пространство воплощения ролей Я с общим эго-центром координат. Я-повествователь в поиске идентичности прописывает свою субъективную биографию. Фрагменты такой биографии замкнуты на иную роль Я, возникает хаос мнемонических и фантазийных полусуществований, что иллюстрирует идею «исчезновения человека» М. Фуко и идею «смерти автора» Р. Барта. В оппозиции «человек – мир» наблюдаются тенденции сдвига: отчуждение мира переместилось на отчуждение самого себя от Я, антропоцентризм переходит в эгоцентризм.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва, 1999.
2. Гришман, М.Г. От текста к произведению, от данного общества к целостному миру / М.Г. Гришман // Вопросы литературы. – Москва: Известия, май, 1990. – С. 108–113.
3. Постмодернизм: энциклопедия. – Минск, 2001.
4. Frisch, M. Stiller / M. Frisch. – Frankfurt am Main, 1973.
5. Saariluoma, L. Der postindividualistische Roman / L. Saariluoma. – Würzburg, 1994.

Рецензент – С.А. Кароннова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка ВоГУ.

N.L. Fisher

IN QUEST OF SELF-IDENTIFICATION – FROM ANTHROPOCENTRISM TO EGOCENTRISM IN LITERATURE (ON CASE STUDY OF *STILLER* NOVEL BY M. FRISCH)

Changes in the objective reality of human existence destroy the mirror of the world, in which the subject was looking for its reflection, its identity. His image loses portrait features and focuses on the inner world, on his own ego, combining features of the subject and the object of the narrative. Artistic reality of literary narrative opens a new space of role-playing game for the purpose of human cognition and self-discovery to the narrating subject. In his novel "Stiller" M. Frisch uses features of the narrative (switching between external and internal prospects of the I-narrator) and intertextuality, along with the direct language features (finely detailed description, comparison). Varying and describing of the different roles of an I-narrator in the search for identity leads to the fact that there will be chaos of thought half-existence. That's why the telling subject highlights the dominant actors part of his "I" in his mind, narrative anthropocentrism goes into egocentrism.

Self-identity, egocentric narrative, actors parts of I-narrator, intertextuality.

⁶ Я понял: их поведение связано не со мной, а с фантомом... (нем.)